

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-3-7-15

ФАКТОР РИСКА В СТРАТЕГИЯХ САМООРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ольга Владимировна Исакова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
olga_srstu@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2468-3689, AuthorID РИНЦ: 753068*

Аннотация. *Целью исследования* является обоснование влияния фактора риска на выбор поведенческих и ментальных установок принятия самоорганизации российской молодежью.

Методологическую базу исследования представляет теория риска, возникшая в зарубежной социологической мысли в 60–70-е годы XX века, а также положения концепции риска российских исследователей В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, К. А. Смакотиной, О. Э. Яницкого.

Результаты исследования. Автор статьи исходит из того, что в современных условиях, как показывают результаты социологических исследований, молодые россияне ориентируются на риск как неопределенность в принятии организационно-нормативных и идеолого-ценностных параметров самоорганизации. В данном контексте делается вывод о том, что фактор риска не только является внешним (фоновым) показателем, но и интегрирован в структуры самоорганизации молодежи как доминанта социального действия, что имеет последствием фрагментированность пространства самоорганизации молодежи и вносит осложнения в диалог молодежи и властных и общественных институтов, ориентированных на формальные регуляторы деятельности.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования процессов самоорганизации российской молодежи.

Ключевые слова: российская молодежь, структуры самоорганизации, фактор риска, неформальные нормы и правила, формальные регуляторы

Для цитирования: Исакова О. В. Фактор риска в стратегиях самоорганизации российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 3. С. 7–15. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-7-15>.

Original article

RISK FACTOR IN THE STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH SELF-ORGANIZATION

Olga V. Isakova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
olga_srstu@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2468-3689, AuthorID RSCI: 753068*

Abstract. *The purpose of the study is to substantiate the risk factor influence on the choice of behavioral and mental attitudes of self-organization acceptance by Russian youth.*

The methodological basis of the study *is the theory of risk, which arose in foreign sociological thought in the 60–70s of the twentieth century, as well as the risk concept provisions of Russian researchers V.I. Chuprova, Yu. A. Zubok, K. A. Smakotina, O. E. Yanitsky.*

Research results. *The author of the article proceeds from the fact that in modern conditions, as the results of sociological studies show, young Russians focus on the risk, as uncertainty in the adoption of organizational-normative and ideological-value parameters of self-organization. In this context, it is concluded that the risk factor is not only an external (background) indicator, but is also integrated into the structures of youth self-organization as a dominant social action, which results in fragmentation of the youth self-organization space and introduces complications into the dialogue between youth and government and public institutions, focused on formal regulators of activity.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the processes of self-organization of Russian youth.*

Keywords: *Russian youth, self-organization structures, risk factor, informal norms and rules, formal regulators*

For citation: *Isakova O. V. Risk factor in the strategies of Russian youth self-organization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(3): 7–15. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-3-7-15>.*

Введение. Российская молодежь составляет 34,8%¹ населения страны и является, по определению В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, группой социального воспроизводства. На молодежь возлагается миссия закрепления и становления сложившихся социальных и социально-трудовых отношений и приумножение ресурсной базы социального развития. Вместе с тем, подчеркивая социально-демографические диспропорции, связанные с вступлением во взрослую жизнь малочисленных постсоветских поколений, можно констатировать, что молодежь как группа социального воспроизводства характеризуется противоречивыми, асимметричными параметрами. Наблюдается не только отклонение

от «предписанной» социально-воспроизводительной функции, но и влияние фактора риска на активность молодежи, на выстраивание ее поведенческих стратегий, на перспективы интеграции в общество.

Под фактором риска понимается влияние на поведение и настроение молодежи совокупности условий, которые содержат негативные, непредсказуемые для общественной жизни и позиции молодежи в обществе последствия. Подчеркивая, что в молодежной среде существуют реальные проблемы наркомании, алкоголизации, суицида, нельзя останавливаться только на девиантном поведении отдельных групп молодежи. Важное значение имеет и встраивание фактора риска в процесс

¹ Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики.

самоорганизации молодежи, в то, что неформальные нормы и правила, актуализируемые в молодежной среде и обеспечивающие самодетельность молодежи в поиске жизненных приоритетов и целей, принимают рискогенный характер, сопровождаются не только частичными эксцессами отклоняющегося поведения, но и выстраиваются в систему альтернатив испытанным обществом схем интеграции и взаимодействия молодежи.

В первую очередь это касается молодежного экстремизма, принимающего новый облик и не связанного с традиционными идеологическими течениями. Об этом свидетельствует тот факт, что в самоорганизации молодежи проявляется уход от видимых организационных и идеологических ориентиров, что риск порождается в молодежных течениях, казалось бы, далеких от общественно-политического дискурса (фанаты, представители альтернативных субкультур). Таким образом, актуальность осмысления фактора риска как совокупности условий, порождающих неопределенность, непрогнозируемость и негативные ожидания в самоорганизации молодежи, имеет основание в том, что осложняется процесс диалога между формальными и неформальными регуляторами поведения молодежи. Это проецируется на эффективность молодежной политики и изменяет отношение общества к молодежи и молодежи к обществу.

Фактор риска способствует созданию новых организационных реальностей молодежи. Нельзя при этом уповать на то, что экстремистские течения охватывают незначительное количество молодежи, так как имеют способность к инвазии, завоеванию умов молодежи, получению поддержки и порождают чувство апатии, разочарования, недоверия к действующим социальным и властным институтам [1].

Методология исследования. В изучении представленного феномена особое значение имеет теория риска, возникшая в зарубежной социологической мысли в 60–70-е годы XX века. М. Дуглас, У. Бек, А. Турен, Э. Гидденс определяли теоретическую реконструкцию риска как включение фактора неопределенности в систему рационализма, где привычные калькулируемость, ожидаемость,

соизмеримость определяются через ценностно-рациональный контур [4]. Для определения качественных и количественных рисков по сравнению с самоорганизацией молодежи в российском обществе аналитическим и объяснительным потенциалом выступают положения концепции риска российских исследователей В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок, К. А. Смакотиной, О. Э. Яницкого [4]. Вводится понятие самоорганизации молодежи как совокупности поведенческих стратегий, направленных на использование неформальных правил и регуляторов в конструировании и функционировании молодежных структур. Под риском самоорганизации молодежи понимается влияние непредсказуемости, неопределенности рационального определения и контроля поведенческих стратегий молодежи в контексте ее самоорганизации.

Важными исследовательскими моментами выступают, во-первых, исследование поведенческих стратегий молодежи как системы социальных диспозиций, направленных на актуализацию целей и ценностей самоорганизации молодежи на основе риска как формулы «опасности — прибыли». В этом смысле исследуется структура норм и ожиданий, касающихся риска в системе самоорганизации, уровень групповой идентификации, осознания принадлежности к группе на основе принятия риска и рискогенности, механизмов саморегулирования и контроля рисков.

Фактор риска в неформальных регуляторах самоорганизации молодежи. Подчеркивая, что постсоветский период характеризуется возникновением неформальных (находящихся вне влияния официальных государственных структур) организаций и движений молодежи, в то же время следует отметить, что «золотой век» самоорганизации молодежи миновал, так как постепенно ослабели факторы выбора самоорганизации в качестве альтернативы сложившимся организационным формальным нормам.

Это связано, во-первых, с тем, что волна самоорганизации молодежи приходилась на позднесоветский и ранний постсоветский периоды, а это имело причиной крушение авторитета молодежных организационных структур советского периода и ухода молодежных проблем из-под контроля государс-

тва. Во-вторых, с интересом к переносу зарубежных моделей самоорганизации молодежи на российскую почву. В-третьих, с завышенным ожиданием по поводу реализации интересов и потребностей молодежи через структуры самоорганизации. В этом контексте последующий опыт показал, что самоорганизация российской молодежи характеризуется асимметричностью формальных и неформальных регуляторов, что воспроизводится традиционный способ организации молодежи «сверху» в условиях конфликтности, раздробленности и неавторитетности возникающих структур самоорганизации. Обнаружилось, что имплементация зарубежного опыта самоорганизации слабо прививается на российской почве, поскольку предполагает принятие ценностей и приоритетов, расходящихся с господствующими в массовых настроениях социальными и нравственно-ценностными установками.

На траектории самоорганизации молодежи повлияла неэффективность самоорганизационных норм, апробируемых как включение механизмов гражданской активности молодежи. Самоорганизация молодежи вступила в период бифуркации, которая характеризуется, с одной стороны, постепенной интеграцией с существующими формальными структурами (об этом говорит опыт движений начала 2000 годов «Идущие вместе», «Наши», которые формировались за счет привлечения активистов из неформальных объединений, и интегрирующего элемента — неформальной заинтересованности молодежи в проведении демонстративных молодежных акций). С другой стороны — действующие независимые ассоциации молодежи остались на локализованном уровне, реализуя стратегию малых изолированных групп.

На самоорганизацию российской молодежи мощное влияние стало оказывать включение в интернет-структуры. Согласно социологическим опросам, интернет-пользователями являются более 75% россиян. Виртуализация социального пространства молодежи привела к тому, что возникла тенденция ситуативной самоорганизации молодежи, создание и распад групп интересов, принадлежности к интернет-форумам и сайтам. В молодежной среде приоритетом стали критерии презентационности, что привело к сме-

щению неформальных регуляторов в сторону драйва, акционизма, участию в единичной акции. Таким образом, неформальные регуляторы, понимаемые как конвенциональные установки молодежи на основе согласования интересов, доступа к ресурсам и выстраивания системы отношений авторитета и равенства, изменились.

В нынешней ситуации для самоорганизации молодежи неформальные нормы и правила связаны с отличием от формальных организационных норм, включающих нерегулярное добровольное участие, возможность перемены организационной идентификации и свободы выбора. Есть и второе существенное обстоятельство, связанное с тем, что наблюдается экспансия неформальных норм, сопровождаемая влиянием неопределенности. В неформальных нормах и регуляторах риск проявляется в том, что отсутствуют центры авторитета, иерархии неформальных норм, притяжения молодежи. Следствием является дробление, сжатие в пределах микрогрупп, процесс добровольной и вынужденной индивидуализации.

В контексте вышесказанного можно говорить о том, что неформальные нормы и регуляторы становятся фактором рискогенного воздействия на молодежь, усиливают нестабильность поведения и настроений, способствуют снижению уровня внутригрупповой солидарности и ответственности. Между этими состояниями находится широкое поле неопределенности. Обращаясь к материалам социологических исследований, можно говорить о том, что неформальные нормы и регуляторы утрачивают состояние рефлексивности, подвергнуты ситуативному рационализму, принятию реактивных установок. Речь идет, таким образом, о переходе от состояния определенности в построении неформальных норм и регуляторов, связанных с социальной рефлексивностью, к спонтанности, принятию формулы «действия без осмысления».

В соответствии с формулой активизма, противостояния адаптации как смирения перед обстоятельствами, самоорганизация становится переопределением неформальных правил и установок, а неопределенность воспринимается в качестве имманентного фактора самоорганизации. В восприятии молодежи самоорганизация ассоциируется

с возможностями ухода от жестких правил и обязанностей, с отказом от стабильной идентичности и невозможности контроля над личностными и групповыми ресурсами в условиях неопределенности.

Таким образом, с риском связывается чувство защищенности на локализованном уровне на основании критерия соотнесения опасности и выгоды. Необходимо отметить, что согласно социологическим исследованиям, институционализированные формы гражданского участия не вызывают доверия у молодежи: более 60% молодых россиян считают деятельность общественных организаций не приносящей реальной пользы, либо вовсе ничего не знают об их существовании². Такие низкие показатели определяются тем, что молодые россияне склонны в условиях неопределенности, возмущающих факторов понимать выбор как свободу от обязательств и ограничений и рассматривать самоорганизацию как минимально затратный и безопасный путь удовлетворения интересов и амбиций.

Можно говорить о том, что в нынешней ситуации самоорганизация молодежи характеризуется отходом от выработки солидаристских и имеющих контролирующей, социально-правовой и социокультурный потенциал норм. В этом можно убедиться, когда речь заходит о субкультурных группах молодежи, занимающих позицию демонстративного неприятия и не столько ухода от формальных норм, сколько попыток через акционизм продемонстрировать позицию независимости. Риск заключается в том, что формы социального контроля оказываются неэффективными, так же, как и к участникам движений трудно применить критерий нравственной ответственности в условиях, когда неформальные нормы становятся релевантными, относительными, не обязывают к определению гражданских позиций.

Характеризуя этот аспект, можно говорить о том, что риск как совокупность установок изменяет диспозиции молодежи в системе самоорганизации. Неформальные лидеры перестают рассматриваться как ресурс обновления молодежного движения

и от самоорганизации молодежи перестают исходить низовые инициативы, способствующие изменению молодежной политики. Характерно, что действующий в России институт социального волонтерства молодежи ориентируется на принятие установок гражданского участия, имеющих определенные организационные параметры и нацеленность на возможность диалога с государственными структурами. В то же время в движении волонтерства обнаруживаются ограничения регулярности, отсутствие координации, конкурентной среды для возникновения лидерства.

Другими словами, принятие неопределенности в качестве исходной позиции влияет на осознание молодежью перспектив волонтерства, отношение к участию в волонтерстве как социальному ресурсу личности. Риск проявляется в том, что волонтерство может ограничиваться участием в экстремальных акциях, а не быть направленным на социально-альтруистическую деятельность. В условиях дефицита взаимодействия конструктивного сотрудничества с властными и социальными институтами структуры самоорганизации не демонстрируют понимания того, что преодоление рисков как неопределенности в самоорганизации связано с запросом на кредит доверия общества, способность объяснить обществу, какие процессы происходят в структуре самоорганизации, сформулировать ясную цель, определить направление дальнейшего развития в процессе интеграции молодежи в общество.

Можно предположить, что фактор риска оказывает двойственное влияние на перспективы самоорганизации молодежи. С одной стороны, расширяется возможность для принятия самостоятельных решений, формулирования новых интересов и ожиданий со снятием ограничений полей деятельности, с другой — очевидно, что, действуя с позиции ситуативной логики, формула «абсолютной свободы», принятия риска как стимулятора действия, приводит к удлинению социальной дистанции молодежи, нацеленной на самоорганизацию, от реальных проблем молодежи в обществе и перспектив эффективной мо-

² Страна неравнодушных [Электронный ресурс] // Общество. Аналитический обзор. ВЦИОМ новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-neravnodushnykh>.

лодежной политики. Барьер недоверия между молодежью и действующими социальными и правовыми институтами возрастает, и следствием является формирование ситуации взаимного недоверия и непонимания, при которой властные институты настраиваются на политику оптимального контроля над деятельностью молодежных структур и отказа видеть в структурах самоорганизации ресурс для интеграции молодежи в общество.

Нынешняя ситуация в молодежной среде коренным образом отличается от 90-х годов XX века, поскольку государственная политика, основанная на нейтралитете, невмешательстве государства в дела молодежи и молодежи в дела государства, остается в прошлом [2]. Общество минуло период острого порядка, и факторы планирования и решения молодежных проблем строятся на вертикально интегрированном эффекте, на иерархии молодежных структур, которые предполагают определенную унификацию, содержание действий, запланированность событий и ограничивают то, что препятствует реализации избранных целей.

Желательным эффектом самоорганизации молодежи является обеспечение ее интересов и прав при гарантии регулятивного значения формальных норм, упорядочивающих флуктуации в молодежном движении. Половина молодых россиян испытывает интерес к деятельности молодежных организаций, но осторожно относится к вовлечению в бессмысленные или вызывающие эффект неправомерного действия акции. Принятие риска в формировании стратегии молодежи имеет краткосрочные позитивные последствия в том, что формируется хотя и малочисленный, но крепкий актив. Вместе с тем ограничиваются перспективы самоорганизации на уровне локализованных малых групп. Движение самоорганизации перестает быть формой перехода на более высокий организационный уровень, ориентированный на решение не только единственной проблемы действий, но и на принятие деятельности структур самоорганизации в качестве позитивного примера для молодежи.

Как показывают результаты социологических исследований, несмотря на то, что в провинциальной России концентрируется неудовлетворенность молодежи жизненными

перспективами, а институциональные условия не стимулируют активность молодежи, локализованность структур самоорганизации на столичном уровне вызывает недоверие и апатию молодежи, не определяет их стремление актуализировать собственный человеческий капитал (35 % молодых провинциалов не испытывают доверия к имеющей столичное происхождение системе социальных сетей [3]). Несмотря на то, что система формальных правил не оказывает большого влияния на готовность молодежи к социальной активности, не прослеживается тенденция к росту интереса к структурам самоорганизации. Так, лишь 22 % молодых провинциалов видят в структурах самоорганизации возможность роста осознания жизненных перспектив, формирования когнитивных и некогнитивных навыков, определяющих социальное взросление молодежи [3].

Памятуя об известном выражении американского философа XX века Дж. Дьюи, что демократия — это нечто большее, чем форма правления, и в первую очередь — способ ассоциативной жизни, коммуникативно закреплённый общий опыт [6], можно говорить о том, что риск в структуре самоорганизации российской молодежи и сужает возможности ассоциативной жизни, направленной на создание общего пространства самоорганизации, и обесценивает коммуникативно закреплённый опыт, который в позитивном измерении означает расширение возможностей неформальных организаций участвовать в общественно значимых акциях и формировать предпосылки для диалога с властными социальными структурами.

Несомненно, на уровне принятия риска структуры самоорганизации находятся в ситуации нелегкого выбора альтернатив, а стремление к смене форм самоорганизации в реальности означает, что постоянно возникает явление аморфности. Сложно предположить, что структуры самоорганизации, настроенные на перемену приоритетов, меняющие направленность деятельности, могут наращивать ресурс доверия и известности в обществе. Точнее, можно говорить о том, что в такой ситуации трудно ожидать перерастания самоорганизации в организацию, имеющую общественно-политический статус.

Как писала российский исследователь И. А. Халий, в России развитие общественных организаций связано либо с поддержкой со стороны власти и представителей элит, либо с активной моральной поддержкой и развитием указанными акторами [5]. Принятие фактора риска влечет в качестве последствия то, что инициатива внешне отдается «снизу», что любая группа акторов может стать инициатором самоорганизации, но в этом контексте можно ожидать, что самоорганизация так и будет актуализирована только на уровне малой группы, обреченной на капсулирование или исчезновение, прикрытие к более сильной структуре.

Другими словами, фактор риска только внешне способствует самоорганизации молодежи, демонстрируя независимость от акторов «свыше», в реальности пространство самоорганизации дробится, становится конфликтным, но не конкурентным полем молодежных инициатив и может содержать риск радикализации, возникновения экстремистских движений как способа выделиться, показать свою силу, дать информационный повод.

Как показывает опыт социологических исследований, число радикально настроенной российской молодежи остается практически неизменным и является нестабильной базой для радикальных структур. Одни и те же люди могут состоять в нескольких организациях, и практическая рекрутация замыкается на «перевербовке» сторонников у организаций такого же типа. К сожалению, подобный принцип работы с одними и теми же распространяется и на радикальные структуры и организации, если фактор риска как неопределенности, отказа от выбора строгих идеологических и организационных ориентиров становится фактором деятельности.

Речь идет о том, что в нынешних условиях трудно ожидать от структур самоорганизации движения к перерастанию в организации общероссийского масштаба, способных заявить о представительстве интересов молодежи и участии в разработке молодежной политики. В этом смысле фактор риска является устраивающим тех, кто стремится через структуры самоорганизации как якобы оппозиционные формальным властным структу-

рам реализовать собственные амбиции и интересы или подготовить почву для ведения торга с властными структурами относительно перспектив собственной профессиональной карьеры.

Не характеризуя это положение как стратегию шантажа, можно говорить о том, что фактор риска значительно ослабляет нормативные ожидания и требования, что в качестве неформальных регуляторов перестают действовать контрактные отношения, а стремление к выработке активистских моделей поведения не основывается на создании условий для реализации мобилизационного проекта. Адекватная модель гражданской активности требует преодоления чувства растерянности и уверенности в том, что могут быть найдены основания для скачка надежд.

Заключение. Фактор риска можно рассматривать как совокупность условий, стигмулирующих неопределенность и нерелексивность в выборе регуляторов самоорганизации, что имеет следствием протеизм целей и приоритетов деятельности. Социологические исследования показывают, что структуры самоорганизации российской молодежи в условиях риска как внутреннего фактора связаны с рациональным выбором, а это влечет за собой структуру ожиданий, внешне направленных на уход от действительности, но содержащих результатом стремление вписаться в новые социальные реальности, ориентируясь на случайный рискогенный успех. Выступая критиками сложившейся системы молодежных организаций, структуры самоорганизации молодежи в условиях риска не игнорируют реальные границы движения к диалогу с властными институтами и задают реальные приоритеты для совершенствования собственного функционирования как акционизм, действие ради действия. Констатируя, что фактор риска влияет не только на повседневные стратегии молодежи и определяет «вторжение» рискогенного поведения в молодежную среду, можно сделать вывод о том, что в условиях кризисности, создающей эффект социальной неопределенности, риск как форма неприятия общественного контроля актуализирует необходимость новых подходов и оценок самоорганизации российской молодежи.

Список источников

1. Бааль Н.Б. Государственная молодежная политика как инструмент профилактики политического экстремизма в молодежной среде // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. №2(56). С. 121–130.

2. Исакова О.В., Загороднюк Е.В. Проблемы и риски развития структур самоорганизации молодежи на локальном уровне // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2013. №6. С. 124–128.

3. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

4. Чупров В.И., Zubok Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 232 с.

5. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. 300 с.

6. Dewey J. Democracy and Education. N.Y.: Courier Corporation, 2004. 457 p.

References

1. Baal' N.B. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika kak instrument profilaktiki politicheskogo jekstremizma v molodezhnoj srede [State youth policy as a tool for the prevention of

political extremism in the youth environment]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy]. 2021; 2(56): 121–130. (In Russ.).

2. Isakova O.V., Zagorodnjuk E.V. Problemy i riski razvitija struktur samoorganizacii molodezhi na lokal'nom urovne [Problems and risks of the development of youth self-organization structures at the local level]. Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2013; (6): 124–128. (In Russ.).

3. Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pjatnadcat' let spustja [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. Otv. red. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova [In M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova (eds.)]. Moscow: Ves' Mir, 2018. 312 p. (In Russ.).

4. Chuprov V.I., Zubok Ju. A., Uil'jams K. Molodezh' v obshhestve riska [Youth in a risk society]. 2-e izd. Moscow: Nauka, 2003. 232 p. (In Russ.).

5. Halij I.A. Sovremennye obshhestvennye dvizhenija: innovacionnyj potencial rossijskih preobrazovanij v tradicionalistskoj srede [Modern social movements: the innovative potential of Russian transformations in a traditionalist environment]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2007. 300 p. (In Russ.).

6. Dewey J. Democracy and Education. N.Y.: Courier Corporation, 2004. 457 p.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 18.06.2022.

The article was submitted on 16.05.2022; approved after reviewing on 28.05.2022; accepted for publication on 18.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исакова Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga V. Isakova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of «Social Sciences and Humanities» chair, South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia